

ВЫДАЮЩИЙСЯ АРТИСТ-ПЕВЕЦ

К 60-летию народного артиста СССР Алексея Филипповича КРИВЧЕНИ

А. Кривченя — Иван Хованский («Хованщина»).

ГОВОРЯ откровенно, о Кривчене — артисте-певце надо бы написать книгу. Написать не для того, чтобы прославить его (он признан и известен и без того), а для того, чтобы использовать его творчество, как исключительный объект изучения природы оперного артиста. Разумеется, при современном уровне оперной критики трудно ожидать серьезного исследования природы оперного театра, артиста, поэтому нам остается только учиться друг у друга и наш единственный учебник — опыт.

Алексей Филиппович Кривченя — артист по природе. Он не стоит рядом с ролью, он вмещает себя всего, всю свою натуру в комплекс общественных и личных особенностей образа. Он органичен в каждом помысле и поступке героя, он творчески присваивает себе интонацию партии, чувства, мизансцену.

А. Ф. Кривченя — артист по любви. Он любит, страстно любит лицедействовать, т. е. действовать, жить от имени разных лиц. В жизни он самые серьезные вещи говорит в чем-нибудь образе; естественно и незаметно для себя, а для нас привычно, он надевает на себя какую-нибудь личину. Особенно ему импонирует маска ленивого и как бы недалекого увальня, которая в сочетании с острой наблюдательностью, остроумием, глубоким проникновением в суть события, собранностью и дисциплиной труда создает обаяние индивидуальности.

А. Ф. Кривченя — артист умный. Он хитро скрывает за шутками и развалкой свою творческую лабораторию, ту «святая святых», которая все еще является таинством искусства, категорией индивидуальной и, в большой степени, интимной. Глубоко ошибается тот, кто думает, что в кривчениевской лаборатории царит лишь природная способность. Нет, внутренняя лаборатория Кривчени очень сложна и в ней большую, решающую роль играет разум.

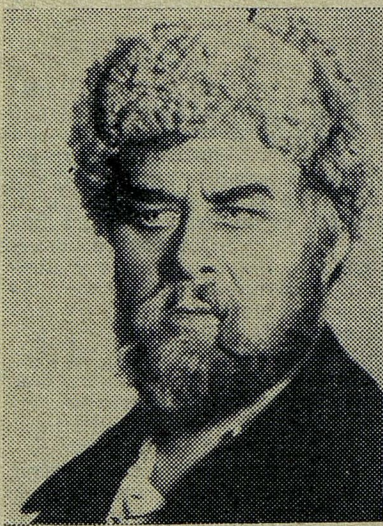
Художественный расчет и размышления в его практике имеют значение, быть может, большее, чем у кого-нибудь из известных мне артистов. Размышление над ролью есть естественное состояние Кривчени, оно доставляет ему радость. И когда говорят: «у него все получается само», то наивно ошибаются или являются «жертвой» кривчениевской мистифика-

ции. Конечно, Кривченя талант, но он более, чем талант, он — **мастер.**

Наблюдать Кривченю на репетиции истинное удовольствие. Тут под маской «репетирую в полную» скрывается бурная работа темперамента и мысли.

Видели ли вы, как легко, если это нужно, он владеет своим грузным телом и какая легкая, если нужно, у него может быть походка? Задумались ли вы над тем, что его физические свойства — никогда не помеха образу, а предстают перед нами как неотъемлемое его свойство. Это — часть его таланта. Из этого одного можно сделать важные выводы об артисте и его выразительных средствах, комплексе природных данных.

Удивительное чувство правды,

А. Кривченя — Никита Вершинин.

естественности и меры проявляется у него во всем: в жесте, мимике, отношении к событиям, партнерам, мельчайшей детали внешнего рисунка роли и, конечно, пении, каждой фразе, ноте и слове.

Но, может быть, главное всего — ощущение логики поведения образа в данных обстоятельствах. Он видит роль только в совокупности логики всего спектакля; найти свое драматургическое место в системе образов для него равно нахождению смысла жизни персонажа. Для него важна перспектива роли и познав, уяснив для себя конечную цель действующего лица, он математически точно делает расчет каждой сцены, фразы, интонации. И тут снова чувство правды — великий помощник, и артист «пуще

А. Кривченя — Кончак («Князь Игорь»).

черта» боится ей изменить. Когда я репетирую с Кривченей, мне легко ориентироваться на его «позывные правды». Я им верю и проверяю результаты репетиции по его самочувствию. Достаточно посмотреть на его лицо, когда он смотрит какую-нибудь сцену, и все становится ясным. Кривченя на репетиции — барометр сценической правды.

О голосе А. Ф. Кривчени. Тут неуместно говорить о красивом, «благородном звуке», о «божественном» тембре и т. д. Я где-то читал, что когда пел Шаляпин, никто не обращал внимание на его звук, и это показатель высокого и подлинного искусства. Звук Кривчени характерен, он подчиняется смысловой и эмоциональной задаче сценического акта. Это естественно, это воспринимается, как закономерность, проявление личности персонажа. Трудно себе представить во всех отношениях лучшего Хованского. Но вспомним его Бориса Годунова. Пожалуй, эта роль Кривчени вызвала более всего противоречивых мнений и отзывов. Артисту более всего инкриминировалось отсутствие благородно-царственного звучания, отсутствие поэмы героических черт в роли. Да, тембр голоса — породе образа. Но не задумывались ли вы над тем, что Борис Годунов (именно так названа А. Пушкиным трагедия, а М. Мусоргским его опера! Не, например, «Царь Борис» или «Трагедия царя») прежде всего... не царь! Годунов сел на трон не «по праву», он не потомок царской династии, он даже не знатного боярского рода, он — «выскочка», умом и хитростью занявший место на троне, и именно в этом причина его психологической травмы. Все это я понял, увидев и услышав в этой роли Кривченю. Конечно, могут быть и иные решения образа, и мы с благодарностью их принимаем, но здесь речь идет о своем прочтении творения М. Мусоргского, об актерской свободе от привычек, о самостоятельном творчестве, об актерской индивидуальности.

А. Ф. Кривченя — артист самобытный. Важно отметить, что это свойство не результат поисков оригинальности, а важного принципа решения образа, исходя из своих собственных убеждений и реального понимания, точного значения своих данных, физического и духовного материала, из которого лепится образ, то есть комплекса своей актерской природы.

Помните его Дон Базилио? Всем обликом, повадками, манерой существовать на сцене и в пении, в первую очередь, Кривченя не похож на привычного и от шаляпинских традиций идущего жреца богини Клеветы и Алчности, учителя музыки и интриг. На сцену выходит монах в рыжей засаленной рясе. Скоро мы понимаем, что этот монах настоящий пройдоха, ради звонкой монеты (и жирного обеда!) готовый на обман, подлог и, уж куда ни шло, если очень надо, согласный притво-

ряться даже учителем музыки. Уже сам вид этого монаха, называть которого «доном» можно только иронически, в сочетании с тем, для чего официально он приходит в этот дом, вызывает комическое несоответствие. Благодаря не только таланту, но и принципу убеждать тем, что имеешь, в чем силен, своей художественной натурой, своей индивидуальностью, Кривченя на сцене всегда личность.

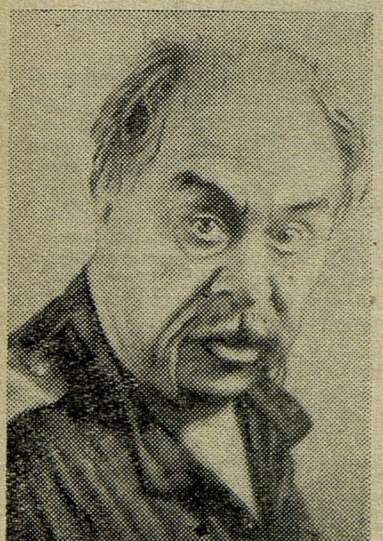
Кривченя хорош в любом спектакле, хотя я считаю подлинными его победами на сцене — Хованского, Никиту Вершинина, Ткачен-

А. Кривченя — Варлаам («Борис Годунов»).

ко. Но, повторяю, крайне интересно следить за ним на репетиции, в процессе поисков, прикидок, проб и осознания своей роли в общем потоке спектакля. Здесь проявляется его пылкость, здесь можно заглянуть в его сложную творческую лабораторию, подступы к которой Кривченя искусно маскирует. Его репетиции лишь пробы, и только выверенный во всех отношениях результат он рискует обнародовать.

А. Ф. Кривченя — артист ответственный. Он решает свою роль, он же тем самым несет в полной мере за нее художественную ответственность. Впрочем, в этом работа артиста похожа на любую другую — подлинным ответственным работником может быть лишь тот, кто способен решать. Кривченя способен решать свои роли, а это — признак

А. Кривченя — Ткаченко («Семен Котко»).

А. Кривченя — Дон Базилио («Севильский цирюльник»).

художественной индивидуальности, зрелости, художественной самобытности, ответственности. Кривченя работает сам, не ожидая «милости» от дирижера, режиссера, художника, не ограничивает себя выполнением их задач. Кривченя не прячется и за автора. Он не позволяет себе быть только на его иждивении, питаться крохами со стола гения.

Думая об этом артисте, я вспоминаю слова В. Белинского: «Я сценическое искусство почитаю творчеством, а актера самобытным творцом, а не рабом автора». (О Каратыгине и Мочалове). Поэтому не только интересно, но и в высшей степени полезно коллегам-артистам, режиссерам и дирижерам следить за Кривченей на репетиции. Здесь он не равнодушное лицо, а творец, художник, артист. Только рекомендую держать ухо востро, а то можно увидеть только то, чем хочет показаться на репетиции Кривченя — чуть ленивым, чуть легкомысленным, чуть скептиком, шалуном и балагуром. Попробуйте заглянуть за эту искусственно поставленную ширму, и вы увидите много интересного и поучительного. Вы увидите сложный процесс работы разума и интуиции, художественного расчета и вдохновения. Вы увидите работу мастера.

А. Ф. Кривченя известен, уважаем, но этого мало — он нужен коллеге, который может и должен перенимать действительно замечательный творческий опыт лучших артистов. Может быть, мы недостаточно пользуемся счастливой возможностью учиться друг у друга, изучать опыт мастеров? Творческий акт сложен, часто он заменяется штампом и формальным выполнением формы. Но, увы, рассчитывать на научные обобщения лучших достижений оперно-актерского творчества пока не приходится, поэтому надо радоваться самому присутствию среди нас художников, развивающих и углубляющих истинные реалистические тенденции актерского мастерства оперного искусства.

Поздравляя нашего юбиляра, желаем ему успехов, здоровья, многих лет творческой жизни. Мы должны отдать себе отчет в том, сколько мы можем и должны научиться в общении с этим замечательным мастером.

Борис ПОКРОВСКИЙ.